

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/58/10

И. Н. Коржова

Орский колледж искусств

Война и дом в поэзии К. Симонова 1941–1945 годов: оппозиция и пересечение

Рассматривается взаимосвязь пространственных образов войны и дома в поэзии К. Симонова 1941–1945 гг. Установлено, что эти образы выступают как члены оппозиции, основа которой коренится в древнейших культурных представлениях. Война и дом выступают как варианты оппозиции «свое – чужое». Поэт изображает немногочисленные атрибуты дома (стол, дверь), однако каждый из этих образов обладает высокой семиотичностью в славянской культуре. Описаны случаи влияния войны на пространство дома: изображение оккупированного дома, переосмысление ценности дома, вовлеченного в хронотоп войны. Также выявлено индивидуально-авторское переосмысление концепта *ДОМ*, приводящее к переносу наименования на другие объекты. Механизм переноса связан с тем, что в военное время дом из защищающего пространства превращается в защищаемое.

Ключевые слова: концепт, локус, хронотоп, дом, война, традиционная культура.

Вслед за словом «война» сознание, подкрепленное воспоминанием о романе Л. Н. Толстого, услужливо предлагает антоним «мир». Но в лирическом мире К. М. Симонова противовес войне составляет нечто более приватное и обжитое – дом. Оппозиция войны и дома существует в его текстах прежде всего на уровне пространства и именно в этом аспекте будет рассмотрена в статье.

Концепты *ДОМ* и *ВОЙНА* входят в языковую картину мира русского народа и имеют большую исследовательскую историю, но изучены они порознь. Лишь в статье литературоведа Ю. Г. Пыхтиной «Структура художественного пространства в повести Л. Андреева “Красный смех”» [Пыхтина, 2012] рассматривается соотношенность этих категорий в пространственном аспекте. Вероятно, их связь вообще актуальна для мировосприятия военного времени. Не случайно сходная оппозиция выявлена в работе Е. С. Сенявской – исследовании, стоящем уже вне рамок филологии и посвященном психологии войны: «В личностно-психологическом смысле пространство так же, как и время, воспринималось в зависимости от индивидуальных особенностей и конкретной социальной ситуации,

Коржова Инесса Николаевна – кандидат филологических наук, преподаватель Орского колледжа искусств (ул. Советская, 65 / Белинского, 24, Орск, 462422, Россия; clean24@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 1
© И. Н. Коржова, 2017

в которой оказывался человек. Однако было и много общих параметров восприятия. Например, противопоставление фронта и тыла...» [Сенявская, 2010, с. 12–13].

В заголовок работы мы вынесли несколько иные члены оппозиции – лексемы «война» и «дом», ведь именно эти слова чаще всего появляются в военной лирике. Хотя наше исследование будет сосредоточено на художественных образах, его невозможно вести без опоры на данные когнитивной лингвистики: она позволяет раскрыть основы интуитивно понятного и эмпирически фиксируемого в художественных текстах о войне противопоставления именно этих пространственных образов. Слова «война» и «фронт» близки семантически, и обозначению «война» отдано предпочтение как ядерной лексеме концепта. Хотя концепт *ВОЙНА* имеет более широкую составляющую, чем исключительно пространственное измерение, его пространственное восприятие подтверждают устойчивые обороты: «театр военных действий», «уйти на войну», «на полях сражений / войны». Исследователи концепта «война» также особо указывают на его пространственный компонент. Например, В. А. Маслова внутри такой характеристики концепта, как «испытание», выделяет составляющую «плохое место, куда не идут добровольно» [Маслова, 2011, с. 220].

Понятия «дом» и «тыл» расходятся гораздо значительней. В пространственном плане дом – более локальное, узкое пространство. Кроме того, на войне возможна трагическая ситуация, когда дом оказывается в эпицентре сражений или вовсе захвачен врагом. Но главное, представления о доме гораздо сильнее эмоционально заряжены: дом входит в ценностное ядро русской концептосферы.

Важно, что языковой антоним к слову война – «мир» – изначально указывал на пространство. Исследователь русских культурных констант Ю. С. Степанов отмечает, что мир «в древнейших культурах индоевропейцев – это то место, где живут люди “моего племени”, “моего рода”, “мы”, место хорошо обжитое, хорошо устроенное, место, где царствует “порядок”, “согласие между людьми”, “закон”, оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще – от другого пространства, где живут “чужие”, неизвестные, где наши законы не признаются и где, может быть, законов нет вообще, где нам страшно» [Степанов, 2004, с. 86–87]. В современном языке эти значения включены в концепт *ДОМ*.

Итак, для обозначения исследуемых образов выбраны наименования, не являющиеся антонимами в строгом смысле слова и не исключают друг друга как пространственные образы (пространство войны может надвигаться на пространство дома), но очевидно противопоставленные в сознании военного времени. Думается, эта пара служит вариантом базовой культурной оппозиции «свое – чужое». Ситуация вооруженного противостояния четко выявляет противопоставленность дома и войны, прежде всего в ценностном и пространственном аспектах. По эмоциональной окрашенности концепты, в которые входит и пространственная составляющая, находятся на противоположных полюсах. Оба компонента эксплицитно присутствуют в устойчивом выражении «вернуться с войны домой». Множество известных военных песен (их популярность свидетельствует об адекватном отражении в них концептосферы большинства воевавших) также построено на этом противопоставлении. Зачастую выстраиваемая пространственная оппозиция словно не учитывает реалии войны, дороги которой пересекли центральную часть России дважды – при отступлении и во время освобождения оккупированных земель. В ряде текстов этот факт игнорируется, путь видится выпрямленным, а дом, являясь целью пути, мыслится находящимся впереди: «Я шел к тебе четыре года, я три державы покорил» [Исаковский, 1968, с. 131], «И каждый знал, дорога к ней идет через войну» [Там же, с. 40]. Далекий дом часто вспоминается именно как пространство, противоположное войне: «Давно мы дома не были, / Цветет родная ель, / Как будто в сказке-небыли, / За тридевять земель» [Антология воен-

ной песни, 2006, с. 678]. «Узнай, родная мать, узнай жена-подруга, / Узнай, далекий дом и вся моя семья, / Что бьет и жжет врага стальная наша вьюга, / Что волю мы несем в родимые края!» [Там же, с. 654].

Для исследования типов взаимосвязи пространства дома и пространства войны в качестве материала будут привлекаться стихотворения К. Симонова, написанные в 1941–1945 гг. и в дальнейшем составившие центральную часть цикла «С тобой и без тебя» и цикл «Война» (в 1978 г. при издании собрания сочинений поэт переименовал цикл, назвав его «Из дневника»). Эти произведения служат замечательным примером общекультурной оппозиции «война – дом» и вместе с тем демонстрируют возможность нивелирования контрастных признаков в образе мира отдельного писателя.

Знаменательно, что в хронологически первом военном стихотворении Симонова «Из дневника» (1941) беда, прервавшая мирное течение жизни героя и страны, изображается как перемещение героя из одного пространства в другое. Призванный на фронт, он попадает

Из объятий, из слез, из недоговоренных слов
Сразу в пекло, на землю.
В заиканье пулеметных стволов [Симонов, 1979, с. 87]¹.

Предлог «из» в этих строчках опредмечивает объятия и слезы, превращает их в часть домашнего пространства и тем самым делает очевидными основы оппозиции «война – дом»: приватность, интимность – открытость пространства, публичность; сопереживание, близость людей – враждебность, одиночество наедине со смертью. В обоих случаях пространственной метафоризации подвергаются акустическая характеристика («недоговоренные слова» – «заиканье пулеметных стволов»).

Сам дом в стихотворении «Из дневника» обрисован только одной деталью – упомянут дверной проем: «Мать застыла в дверях» (87). Как указывает А. К. Байбурин, «семиотическое значение входа и окон очень велико» [Байбурин, 1983, с. 134]. У древних народов, в частности у славян, они одновременно отвечали за защиту и за возможность перехода, что «обеспечило их статус особо опасных точек связи с внешним миром и соответственно их особую семантическую напряженность» [Там же, с. 135]. Понятна значимость этой детали в ситуации войны. В исследуемых текстах Симонова она встретится не раз: «Придет домой и дверь откроет» (126), «Наверно, все глядит на двери, / Все ждет сегодня» (133).

Первое произведение цикла только задает четкую пространственную оппозицию, выстраивание которой будет продолжено далее. В стихотворении «Три брата» (1943) на пространственный образ мира влияют телеологический и ценностный компоненты. Благодаря введению мотива пути члены оппозиции «война – дом» обретают точные, хотя и противоречащие репрезентуемой действительности пространственные координаты: дом находится впереди, а не позади воюющих солдат: «Мы путники. Уж третий год / Нам посохом винтовка стала. / Наш дом еще далек, далек...» (125).

Мир вновь поделен на дом и войну в стихотворении «Хозяйка дома» (1942). Заглавие, выводящее в сильную позицию исследуемое понятие, побуждает уделить этому тексту повышенное внимание в нашей работе. Описанный дом – тот мирный рубеж и оплот, из которого герой и его фронтовые товарищи отправляются на фронт, сюда же, выжившие и даже погибшие, они вернутся после войны. Частное жилище вырастает до символа дома вообще. Значение хозяйки дома так-

¹ Далее ссылки на страницы этого издания даются в круглых скобках после цитаты.

же резко взлетает вверх: она становится воплощением тех сокровенных ценностей, которые каждый готов защищать на войне: «В последний час перед отъездом ты / Для них вдруг становилась всем на свете» (178). Чтобы усилить контраст пространств, Симонов представляет войну тоже в женском антропоморфном облике, используя метафору «объятья войны» – «война их вновь в свои объятья принимала» (Там же). Важно, что возлюбленная героя названа именно хозяйкой дома, т. е. неотделима от его пространства. Позволим себе пространную цитату, чтобы выявить особенность этой связи у Симонова.

Перед отъездом ты была им тем,
За что мужчины примут смерть повсюду, –
Сияньем женским, девочкой, женой,
Невестой – всем, что уступить не в силах,
Мы умираем, заслонив собой
Вас, женщин, вас, беспомощных и милых (Там же).

Дом, очевидно, предстает как обиталище семьи, притом созданной самостоятельно, а не родительской. Это подчеркивает активную роль мужчины-защитника, предназначение которого максимально раскрывает фраза «заслонив собой». В исследованиях русской концептосферы неоднократно отмечено, что составляющей концепта *ДОМ* является идея защищенности в нем человека². В стихотворении же Симонова привычная связь «дом – защита» вытесняется и заменяется новой – «дом – место, которое необходимо защищать».

Высокий символический статус изображенного в стихотворении «Хозяйка дома» пространства подтверждает и его атрибутика. Среди ряда деталей (заклеенное окно, патефон) Симонов выделяет стол, вновь демонстрируя поразительную чуткость к общекультурным славянским символам. «В традиционных представлениях, – пишет А. К. Байбурин, – почти повсеместно проводилась аналогия между столом в доме и престолом, алтарем в церкви» [Байбурин, 1983, с. 154]. По наблюдениям А. Бобрехина, стол и матица «соотносятся с идеей пути (матицу уподобляют небесному млечному пути, а стол отправляет в путь жильцов дома и принимает путников), идеей границы между “своим” и “чужим” миром» [Бобрехин, 2014]. Думается, что, хотя в жилище советского времени красный угол как знаковое место, как правило, отсутствовал, стол не утратил своего значения, а возможно, и усилил его, взяв исключительно на себя сакральную функцию. Повышенная семиотичность объекта объясняет, почему стол является наиболее часто упоминаемой деталью дома в стихотворениях Симонова: «за этим дружеским столом» (179), «подсядем мы за стол» (180), «за одним столом» (94), «за тем столом он вспомнил нас» (135). В стихотворении «Хозяйка дома» два центра дома, женщина и стол, словно поставлены в одну точку. Так, возлюбленную герой называет: «женщиной, вокруг которой / Мы изредка сходились у стола» (177). Дом в этом стихотворении изображен как пространство абсолютно стабильное, устойчивое к порывам социальных бурь. Именно на фоне константы дома станет очевидной невосполнимость потерь: стол окажется большим для уменьшившегося круга друзей, о потерях будут говорить оставшиеся лишние приборы (неизменяемость их количества служит ярким подтверждением абсолютной неизменности пространства).

Война и дом выступают как противоположно заряженные полюса в системе человеческих ценностей. Наибольший интерес представляют эти образы в случае

² Дом – защищенное, укромное пространство» [Тимошенко, 2007, с. 287]; «место спасения от невзгод; личное, безопасное пространство» [Базылова, 2011, с. 239]; «дом должен защищать от внешней угрозы» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 464].

их схождения в одной географической точке. Даже оказавшись наложенными друг на друга, они остаются взаимно несовместимыми. Показательно начало стихотворения «Каретный переулок» (1942): «За окном пепелища, дома черноробые, / Снова холод, война и зима» (188). Война искажает облик ранее мирного места, в нем остаются только остовы домов.

Беспощадность войны к домашнему пространству порождает по-плакатному резкие образы стихотворения «Если дорог тебе твой дом», первоначально опубликованного под названием «Убей его!» (1942). Образ дома, вынесенный в сильную позицию и начинающий перечисление дорогих лирическому герою объектов, как бы вбирает в себя все остальные ценности: сад, память о предках, «дедовский стол», любовь к родителям и жене. В этом тексте наиболее подробно перечисляются составные части дома: «потолок», «стены, печь и углы», «полы», из предметов мебели люлька и, конечно же, стол – все они становятся священны для героя и требуют защиты. В лирике Симонова возрождаются архаические представления о доме как воплощении универсума, они позволяют легко отождествить дом со всем, «что родиной мы зовем». Вновь пространство, в котором герой когда-то был «выкормлен», выпестован, возвращен в безопасности, само требует защиты. Обнажается и страшная логика, не допускающая существования дома и войны в одном пространстве: чтобы сохранить нетронутым собственный дом, герой должен перенести пространство войны к чужим дверям, а значит, по беспощадному закону взаимоисключения пространств, разрушить чужой дом. Стихотворение по своему звучанию приближается к бескомпромиссному ветхозаветному требованию «око за око, зуб за зуб».

Дом, затронутый войной, уже не может сохранить постоянство атрибутов, и Симонов, обращаясь к горькой теме оккупации, описывает изменившуюся душу дома – побелевшие головы женщин, их ставшие черными платки. Но утрата дома как жилища не лишает человека дома как пространства лично ценного, в котором ощутима связь с корнями. Стихотворение «Возвращение в город» (1943), описывающее приход воина в побывавший в оккупации родной город, завершается примечательной фразой: «Их [родных] на год отдал на чужбину» (121). Ее алогизм не очевиден, тем не менее правильнее было бы сказать: «город стал чужбиной», «чужая земля подвинулась к нашим границам». Конструкция, которую избирает Симонов, основана на глубоко укорененном в сознании представлении о своем и чужом, и черта, разделяющая их, остается совершенно незыблемой, а город как предмет передается через нее, т. е. мысленно лирический герой не отодвигает границы. Таким образом, у Симонова пространственные образы становятся метафорой для выражения ценностных категорий.

Наиболее интересны тексты, где четкая и безапелляционная культурная оппозиция начинает трансформироваться. Разрушение жесткой схемы происходит под напором категории времени. В ряде стихотворений мирное пространство дома больше не соположено с пространством войны, а отодвинуто в прошлое. Между героем и домом устанавливается двойной барьер: их разделяет и настоящее, и время. Яркая пространственная метафора, фиксирующая переоценку образа прошлого, дана в стихотворении «Словно смотришь в бинокль перевернутый». Сам дом здесь не изображен, упомянуто только «пороговое» пространство вокзала: «На вокзале, метелью подернутом, / Где-то плачет далекая женщина» (91). Центральная метафора визуального уменьшения прошлого поддержана неопределенным местоимением «где-то» и отстраненно-обезличивающим наименованием «женщина». Новое восприятие прошлого и, косвенно, дома обусловлено именно войной: «войною непрощенно мне жестокое зрение выдано» (Там же). В будущем не все обретет прежние очертания и размеры. Вновь языком пространственных образов Симонов говорит об изменениях личности лирического героя. Война

из пространства превращается в хронотоп, важной чертой которого является обретение человеком мудрости.

Значимость пространства прошлого, прежде всего пространства дома, переоценивается еще в ряде стихотворений. Так, «Полярная звезда» (1941) заканчивается вопрошанием: «Где юность наша? Где забытый дом?» (94). В самом соседстве вопросов очевидно мысленное отнесение дома к прошлому, в настоящем же дом, очевидно, теряет прежнее значение для лирического героя. Тот же комплекс представлений выражен и в стихотворении «Мне хочется назвать тебя женой» (1941). Одно из объяснений желания сделать возлюбленную женой таково: «В старый дом мой, сломанный войной, / Ты снова гостьей явишься едва ли» (171). Обращает на себя внимание некое логическое несоответствие: в дом, которого нет, вернуться абсолютно невозможно, однако в тексте выражено лишь сомнение. Либо речь идет о сарказме, либо тему разрушения не следует трактовать буквально. Да и олицетворение «сломанный войной» вместо «во время войны» задает четкую оппозицию «дом – война», война уничтожает дом как стабильное и неизменяемое пространство. Жертвы, приносимые войне, также имеют знаковое воплощение – это добровольное разрушение дома: «свой дом своей рукой сжигали» (144) («Сыновьям», 1945). В контексте описанного эта фраза приобретает не только буквальное прочтение, но и мыслится как указание на добровольный, бесстрашный и фундаментальный пересмотр ценностей.

Пребывание в неурушимом и устойчивом пространстве дома постепенно начинает осмысляться как некоторая ограниченность, недостаток. В стихотворении «Полярная звезда» поражают жестким звучанием строки, говорящие об ущербности относительно мирного существования (правда, не на родине, а, вероятно, в эвакуации): «В зеленом азиатском городке / По слухам вы сейчас влачите дни» (93). Стихотворение «Когда на выжженном плато» дает наиболее четкую оппозицию двух пространств: «Что где-то в городе другом / Есть тихий дом и тихий сад, / Что вместо камня – там вода, / А вместо грома – кленов тень» (181). Два пространства противостоят друг другу как мертвое и живое, их знаковость глубоко укоренена в культуре: камень – символ бесплодности, вода – дарительница жизни. Другая пара атрибутов, очевидно, сталкивает пространства по принципу опасность / безопасность. Но лирическим сюжетом стихотворения, вопреки ожиданию, становится не тоска по дому, а желание, чтобы возлюбленная, покинув свой кров, поделила с героем все лишения и опасности войны. Показательно, что сам герой даже мысленно не может оставить поля сражений. Кроме понятного стремления влюбленного героя быть рядом с предметом любви, в стихотворении есть и более глубокое объяснение странного желания видеть дорогую женщину на фронте. Возлюбленная должна пройти с героем его страшный путь, чтобы иметь право сохранить место в его судьбе, не быть отодвинутой боевыми товарищами. Очевидно, оставшись дома, она не войдет в хронотоп войны, в котором происходит обретение мудрости. Конечно, требуемое от женщины присутствие на войне – это просьба быть рядом мысленно, отсюда мотив женщины-невидимки. Но важно, что ценностный центр личности теперь ориентирован на пространство войны.

Стихотворение, которое наиболее ярко раскрывает сложное взаимодействие пространств дома и войны, – «Майор привез мальчишку на лафете» (1941). Лирический герой вспоминает призыв возлюбленной скорее вернуться домой, но этот путь ему преодолеть невозможно: «Кто раз увидел этого мальчишку, / Домой прийти не сможет до конца» (160). Амфиболия «до конца» позволяет толковать ответ двояко: либо герой откладывает свое возвращение до конца войны, либо говорит о невозможности полного, до конца, возвращения, т. е. война либо на время, либо навсегда отодвигает пространство дома. Вместе с тем концепт *ДОМ* не теряет важности в текстах Симонова, но происходит его закрепление за другим

пространством. В финале рассматриваемого стихотворения герой именуется домом пространство войны: «Теперь мой дом не там, где прежде жили, / А там, где отнят у мальчишки он» (Там же). Характеристика нового пространства, называемого поэтом домом, помогает выявить механизм переноса наименования. Прежде чем назвать дом мальчишки своим, герой вспоминает: «За все, чем мы с тобою дорожили, / Призвал нас к бою воинский закон» (160). Механизм переноса наименования родственен тому, который наблюдается в эволюционных семиотических рядах. Ю. С. Степанов, предложивший этот термин, так описывает механизм явления: «новый предмет (изобретение, вещь, вещество, социальное явление) занимает в общественном быту и общественном сознании место какого-то прежнего предмета, принимая его функцию» [Степанов, 2004, с. 25–26]. В лирике Симонова домом становится не оберегающее, а оберегаемое пространство. Поэтому домом, кровно важным местом потенциально может быть названо любое защищаемое пространство.

Также можно отметить, что в годину войны дом из частного пространства становится социально значимым, поэтому частный локус обнаруживает тенденцию к расширению до масштабов страны: «А той, что рыдала, – запомнил я родину» (143) (воплощением Родины становится женщина-мать, чей образ прикреплен к малому пространству дома). Говоря о Родине, герой вспоминает знакомое в детства место: «Клочок земли, припавший к трем березам» (90). Пространства могут и не сливаться, но тогда дом оказывается заслонен более важным: «Ты знаешь, наверное, все-таки родина – / Не дом городской, где я празднично жил» (88).

Итак, новый дом может быть обретен на просторах Родины, потому что все это пространство обладает двумя важными для дома характеристиками: оно ценно для каждого человека и требует защиты. Но в ряде текстов описывается вполне конкретное жилище, претендующее на статус нового дома. В стихотворении «Дожди» (1942) дано подробное описание помещения, где расположились бойцы. Временное пристанище названо одним из сниженных синонимов к слову дом – «халупа» (190). Но, и это главное, данное пространство обжито: «И наши сапоги висят у печки, сохнут на веревке» (Там же). Возникает показательный глагол: «Я все здесь живу» (Там же). Герой, конечно, понимает неполноту этой замены, использует частицы с уступительным значением, но все же подчеркивает большую обытовленность, важность именно этого локуса посреди враждебного пространства войны: «А здесь, в халупе нашей, все же / Мы можем сапоги хоть снять» (Там же). Контраст этому скудному комфорту составляет воображаемая картина московской жизни возлюбленной героя: «Вдруг в кресло старое мое / Влезаешь, как при мне, с ногами» (191). Но в финале стихотворения эта оппозиция преодолена. Лирический герой точно описывает позу, в которой он переживает обстрел: «Как в детстве, подогнувши ноги, / Лежал в кювете у дороги» (193). Обе позы не только схожи, но и идентифицируются как мирные, усвоенные еще в прежнее довоенное время. Есть в этом тексте и уже описанный мотив умаления воспоминаний о прежней жизни, только теперь он практически лишается пространственной составляющей и касается не всего прошлого, а отношений героя и возлюбленной: «Как мелко все было это / Перед лицом большой беды» (194). Однако показательно соседство образа дома и мотива умаления прошлого.

Центральной темой обретения дома на войне становится в стихотворении «Дом в Вязьме» (1943). Вновь поэт использует глагол «жили», идентифицирующий описанное место как дом («Одну лишь ночь мы жили в нем» (135)), хотя в указанном контексте логичней было бы сказать «ночевали». Вновь описаны бытовые подробности пребывания в доме (последняя трапеза), упомянут и сакральный центр дома – стол. Герой предлагает друзьям восстановить этот дом после окончания войны. Временный дом тоже становится воплощением важных личностных ценностей – солдатского братства и дружбы. Этот статус был освящен солдатской

трапезой: «Хлеб пополам, кров пополам» (Там же). Дом также важен потому, что герои в нем обрели лучших себя, и его задача в дальнейшем – служить напоминанием о важной ночи абсолютной искренности («В ту ночь забыли мы, как лгать» (135)).

Проведенное исследование убеждает, что лирика К. М. Симонова имеет прочную опору в культурных представлениях, уходящих в глубокую древность. Актуальное для русской культуры противопоставление дома и войны находит реализацию в поэзии Симонова и, очевидно, входит в резонанс со свойственным его идеостилем предпочтением пространственных метафор, представляющих ценности как локусы. При незначительной детализации пространства в его описание включены важные для славянской культуры образы, и в этом смысле тексты времен Великой Отечественной войны демонстрируют преемственность по отношению к народной культуре. К свойственным Симонову особенностям изображения пространства дома необходимо отнести связь локуса не только с образом семьи, но и друзей. Мотив дружбы в некотором смысле служит заместителем мотива братства.

В лирике Симонова сочетаются готовность к переоценке значимости образа родного дома и невозможность отказа от базового для русского человека концепта *ДОМ* (что заставляет называть домом новые важные для героя пространственные объекты). Моментом, динамизирующим устоявшиеся культурные представления, становится осознание исторического и биографического времени. В проведенном исследовании центр внимания был смещен в сторону образа дома, а пространство войны рассматривалось только в соотношении с ним, но очевидно, что война выступает не только как локус с однозначно негативной эмоциональной оценкой, но и как хронотоп, входящий в число значимых для лирического героя, так как с ним связаны важнейшие изменения в самосознании человека. Сложность каждого образа порождает исключительно оригинальные варианты совмещения обоих пространств в лирике Симонова.

Список литературы

- Антология военной песни: От Полтавской битвы до Чеченской войны / Сост., предисл. В. Калугина. М.: Эксмо, 2006. 800 с.
- Базылова М. А.* Дом // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 8. Волгоград: Парадигма, 2011. С. 234–246.
- Байбури А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.
- Бобрин А. А.* Обрядовое моделирование жилого пространства // Sci-article.ru: Электрон. журн. 2014. № 10. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1403447967>
- Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура / Под ред. и с послесл. Ю. С. Степанова. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
- Исаковский М.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1968. 334 с.
- Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.
- Пыхтина Ю. Г.* Структура художественного пространства в повести Л. Андреева «Красный смех» // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2012. № 4. С. 68–73.
- Сенявская Е. С.* Время и пространство на войне // Историческая психология и социология истории. 2010. № 1. С. 5–17.
- Симонов К. М.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1979. 672 с.
- Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- Тимощенко С. А.* Дом // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 6. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 269–288.

I. N. Korzhova

Orsk College of Arts, Orsk, Russian Federation; clean24@yandex.ru

**The war and the home in the K. Simonov's poetry of the 1941–1945 years:
opposition and intersection**

The article considers the relationship of spatial images of the war and of the home in K. Simonov's poetry of the 1941–1945 years. It reveals that these images are the members of the opposition, the foundation of which is rooted in ancient cultural performances. The war and the home are revealed as the variant of opposition «native – alien». The poet shows only a few of the attributes of the home (a table, a door). However, each of these images is highly semiotic in the Slavic culture. The paper describes the cases when the war influences the home space – the image of the occupied home, the rethinking of the values of home embroiled in the war chronotope. The article reveals the individual author's rethinking of the concept of «home», which transfers the designation on other objects. The transfer mechanism is related to the fact that during wartime the home turns from space that protects into space that is protected.

Keywords: concept, locus, chronotope, home, war, traditional culture.

DOI 10.17223/18137083/58/10

References

- Antologiya voennoy pesni: Ot Poltavskoy bitvy do Chechenskoy voyny* [Anthology of war songs: from the battle of Poltava to the Chechen wars]. Comp. and introd. by V. Kalugin. Moscow, Eksmo, 2006, 800 p.
- Bazylova M. A. *Dom* [House]. *Antologiya konceptov* [Anthology of concepts]. V. I. Karasik, I. A. Sternin (eds). Volgograd, Paradigma, 2011, vol. 8, pp. 234–246.
- Bayburin A. K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [The house in the rituals and beliefs of the eastern slavs]. Leningrad, Nauka, 1983, 191 p.
- Bobrikhin A. A. *Obryadovoe modelirovanie zhilogo prostranstva* [Ritual designing of housing space]. *SCI-ARTICLE.RU*, 2014, no. 10. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1403447967>
- Isakovskiy M. *Sobranie sochineniy: V 4 t. T. 2.* [Collected works in 4 vols. Vol. 2]. Moscow, Khudozh. lit., 1968, 334 p.
- Maslova V. A. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: Ucheb. posobie* [An introduction to cognitive linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka, 2011, 296 p.
- Pykhtina Yu. G. *Struktura khudozhestvennogo prostranstva v povesti L. Andreeva "Krasnyy smekh"* [The structure of the art space in L. Andreev's novelette "Red laughter"]. *Vestnik of the Orenburg State Univ.* 2012, no. 4, pp. 68–73.
- Senyavskaya E. S. *Vremya i prostranstvo na voyne* [Time and space in the war]. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii* [Historical Psychology and Sociology]. 2010, no. 1, pp. 5–17.
- Simonov K. M. *Sobranie sochineniy: V 8 t. T. 1.* [Collected works in 8 vols. Vol. 1]. Moscow, Khudozh. lit., 1979, 672 p.
- Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian cultures]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2004, 992 p.
- Timoshchenko S. A. *Dom* [House]. *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Karasik V. I., Sternin I. A. (eds). Volgograd, Paradigma, 2007, vol. 6, pp. 269–288.
- Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Stepanov Yu. S. (ed.). Moscow, Indrik, 2005, 1040 p.